облике христианских пастырей рыцарства, торопливо набивавших свои карманы при свете пламени горевшей византийской столицы. В записках Гюнтера имеется немало и других интересных сведений; так, внимание византинистов не могут не привлечь описание Константинополя, представшего во всем своем блеске перед глазами рыцарей, пораженных его размерами и красотой (гл. 15, стр. 73 сл.), и рассказ о событиях, последовавших за взятием и ограблением города (раздел империи — гл. 20, стр. 89 сл.).

К сожалению, Ассманн в своем «Введении» к переводу текста совершенно не затронул вопроса о значении «Константинопольской истории» как источника. Его «Введение» носит чисто «эрудитский» характер: Ассманн характеризует здесь существо старой контроверзы по поводу авторской принадлежности «Истории» и поэмы «Лигуринус» одному и тому же лицу, тщательно восстанавливает детали биографии Гюнтера, излагает основное содержание его записок, подробно разбирает их своеобразие со стороны формы, дает обзор сохранившихся рукописей этого сочинения, убедительно выясняя при этом их «генеалогию», наконец, устанавливает первоначальное заглавие оригинального текста «Константинопольской истории». Исследование этих вопросов проведено очень обстоятельно, с большой тонкостью и знанием дела. Однако было бы желательнее ориентировать здесь читателя и в вопросах, связанных с изучением этого памятника по существу. Этим, в частности, была бы значительно облегчена возможность использования рецензируемого издания в университетских семинарах по крестовым походам. Указанный пробел, впрочем, отчасти восполняется отлично выполненным подстрочным комментарием к тексту «Константинопольской истории». Можно отметить лишь отдельные неточности, вкравшиеся в него. Так, в примечании 58 на стр. 49 исследование W. Norden. Der vierte Kreuzzug in Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz. Berlin, 1898, ошибочно приписано Штадтмюллеру. Встречаются и некоторые другие мелкие и несущественные фактические погрешности (например, в прим. 74 на стр. 52).

Что касается самого перевода текста записок Гюнтера, то он заслуживает самой высокой оценки: перевод этот сделан со всей возможной точностью и в то же время превосходно сохраняет особенности стилистической манеры эльзасца, в частности оттенок юмора, который так оживляет местами его рассказ.

М. А. Заборов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ X—XV вв.

В последние годы значительно вырос интерес к изучению внутренней истории Византийской империи и особенно истории аграрных отношений. Византинисты самых различных стран: Г. А. Острогорский, Д. Ангелов, Б. Т. Горянов, П. Харанис, Д. Закифинос, Е. Франчес и многие другие — разрабатывают те или иные вопросы, связанные с этой тематикой. Успешное разрешение многообразных проблем истории византийского города и деревни зависит в огромной степени от состояния источников. Общеизвестно, что важнейшими источниками для внутренней истории Византии XI—XV вв. (а в известной мере и X в.) являются акты: императорские хрисовулы и простагмы, судебные решения, купчие грамоты, описи и т. п. Число сохранившихся до нашего времени византийских актов сравнительно невелико; во всяком случае, византинисты не обладают такими богат-

ствами, какие представляют историку английской деревни «Сотенные свитки», «Посмертные расследования» или картулярии Рамзейского, Илийского и многих других аббатств. Историк средневековой Англии постоянно имеет дело с *комплексом* документов, византинисту приходится тщательно взвешивать каждую отдельную грамоту и подчас строить свои выводы на основании одного памятника или даже *единственного* упоминания термина или института. Конечно, это обстоятельство обуславливает гипотетичность и спорность многих частных и общих выводов и вместе с тем заставляет стремиться к максимально полному использованию всей массы сохранившихся актов: ведь иной раз издание одного нового документа (например, хрисовула Мануила II от 1408 г.¹) приводит к существенному расширению наших представлений о ряде явлений экономической жизни империи.

К сожалению, и до настоящего времени остается немало неизданных актов, а большая часть византийских грамот опубликована в малодоступных изданиях и не всегда достаточно аккуратно. В частности, обширное издание Ф. Миклошича и И. Мюллера, к которому постоянно должен обращаться каждый византинист, не соответствует требованиям современной науки, да и несравненно лучшие публикации афонских грамот в приложениях к старой серии «Византийского временника» имеют известные пропуски, не снабжены комментарием и лишены предметного указателя, что чрезвычайно осложняет пользование ими. Поэтому мы всячески должны приветствовать интенсивно развернувшуюся после Второй мировой войны деятельность по изданию новых и критическому переизданию старых византийских актов. Первыми после начала войны были изданы грамоты из архивов двух афонских монастырей: св. Павла² и Кутлумуша³. Мы ограничиваемся лишь упоминанием этих книг, ибо первая из них, насколько нам известно, отсутствует в наших библиотеках и до сих пор остается нам недоступной; на вторую же была помещена рецензия в IV томе «Византийского временника».

Пожалуй, наиболее значительной работой в этой области является публикация известного немецкого византиниста Ф. Дэльгера «Из святогорских архивов»⁴, которая справедливо признается образцом издательской техники. На этой книге мы остановимся всего подробнее, ибо она содержит особенно ценный свежий материал.

Издание Ф. Дэльгера состоит из двух частей: альбома, содержащего фотографии актов, и основного тома, где публикуется текст грамот, их описание (внешний вид документа, его характеристика с точки зрения палеографии и дипломатики, датировка) и комментарии; каждой грамоте предшествует изложение ее содержания. Весь этот том разбит на ряд разделов, открывающихся вводными статьями источниковедческого характера; в конце тома приложены два указателя: именной и предметный. Книга содержит большое количество библиографических справок.

В книге изданы следующие акты: 42 акта X—XV вв., издаваемых впервые, 3 грамоты XIV—XV вв., которые до сих пор были изданы лишь частично, 34 акта X—XV вв., переиздаваемые заново, 9 поздних греческих актов XVI—XIX вв., 9 поддельных грамот и 6 практиков XIV в., публикуемых издателем в отрывках (в 1949 г. они были изданы им целиком).

¹ В. Мошн. Акты из святогорских архива. „Српска Краљевска Академија. Споменик“, т. XCI, 1939, стр. 164—167.

² St. Binon. Les origines légendaires et l'histoire de Xéropotamou et de S. Paul de l'Athos. Louvain, 1942. См. F. Dölger—A. M. Schneider. Byzanz. Bern, 1952. S. 38.

³ P. Lemerle. Actes de Kutlumuş. Paris, 1945—1946.

⁴ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948.

Издаваемые Ф. Дэльгером впервые византийские документы распределяются по векам следующим образом: X в. — 2, XI в. — 9, XIII в. — 3, XIV в. — 18, XV в. — 10 документов⁵.

Акты содержат большое количество данных об экономической и социальной жизни Византии. Переходя к рассмотрению их, мы хотим отметить, что будем останавливаться лишь на тех актах, которые публикуются Ф. Дэльгером впервые или же были опубликованы до него в труднодоступных журналах, в силу чего еще не стали предметом исследования.

В актах содержится значительный материал для характеристики сельского хозяйства. В № 102 мы находим перечисление различных видов фруктов и овощей, которые выращивались в византийских садах в XV в. В *κηκοπερίφολια* Иверского монастыря произрастали лук-порей, репа, чеснок, лук репчатый, салат, огурцы, тыквы, гранаты, лимоны (№ 102. 22—24). Даже в это трудное для империи время земледельцы заботились о разбивке оливковых рощ там, где прежде были луга (№ 45/46.IV.2—3) (1415 г.). Другой акт, относящийся к 1324 г., свидетельствует о существовании поливного земледелия: он говорит об устройстве запруды для поливания огорода (№ 106.8—9). О больших мелиорационных работах в начале XV в. свидетельствует уже цитированный акт № 102.

Хрисовул Мануила II от 1393 г. упоминает загон для скота (*μανδραστάσιον*) и окружавшие его пастбища (№ 12.17). Подобный загон подробно описан в лемвийском кодексе: там монахи доили коров и приготавливали сыр. В уставе монастыря богородицы Космосотиры близ Эна (середина XII в.) рассказывается, что монахи принуждали крестьян содержать свой скот в монастырском загоне, чтобы использовать навоз в хозяйстве монастыря.

Отметим еще упоминание пасеки (№ 105.4); о рыболовстве идет речь в ряде грамот, из которых особенно интересен хрисовул Иоанна V от 1357 г., позволяющий уточнить различие между отдельными видами рыбачьих лодок (№ 9. См. комментарий издателя на стр. 46). Наконец, акты свидетельствуют, что солеварение было особой отраслью хозяйственной деятельности: они упоминают солеварни на полуострове Кассандрия (№ 45/46.IV.4).

Другой важный вопрос, до некоторой степени освещенный во вновь изданных актах, — это вопрос о сельском поселении. Акты показывают изменение характера агридия, который в X в. представлял собой самостоятельный крестьянский хутор, отличный от проастия — господской усадьбы. В XI в. термин «агридий» приобрел уже иное значение: в хрисовуле 1079 г. агридии выступают как придатки проастиев (№ 35.61 сл.). Позднее, по-видимому, различие между агридием и проастием совершенно стерлось: в грамоте 1310 г. перед нами агридий, в котором находится монастырек и живут парики (№ 37.97—98). Такая эволюция термина отражает процесс феодализации.

Если в более ранний период иные византийские города (например, Андравида) не имели стен и башен, то в XIV—XV вв. даже в сельской местности постоянно воздвигались укрепления: о таких *κατέλλα* и *φρουρία* нередко упоминают акты [№ 93.2 (1325 г.), № 45/46.II.14—16 (1407 г.)].

⁵ Шесть грамот из числа собранных в рецензируемой книге (№ 16, 25, 82, 84, 85, 95) были изданы П. Лемерлем (см. прим. 3), и это издание осталось недоступным для Ф. Дэльгера в период подготовки книги. Сравнение позволяет внести лишь незначительные поправки в издание Ф. Дэльгера: так, в № 25. 6 (у П. Лемерля № 47. 6) явно пропущено слово *νεμεσθαί* (другие разночтения в этой строке, предложенные П. Лемерлем, вряд ли могут быть приняты). Имеются расхождения и в № 82 (у П. Лемерля № 22).

Материал для характеристики общины сравнительно незначителен. В грамоте 942 г. деревня характеризуется как *κοινότης*, т. е. община (№ 107.14). В грамоте 1015 г. упоминаются так называемые «права на чужую землю»: Евфимий Грузин приобрел землю на Афоне, представлявшую до тех пор общее достояние. Его собственность на эту землю была ограничена тем, что он должен был предоставить соседям право ловить рыбу в своих владениях (№ 103.39). Наконец, следует отметить сохранение термина «право близости» (*πλησιςτροῦ δίκαιον*) в актах XIV в. (№ 20.3. Ср. еще № 114.7), однако субъектами права близости выступают в этих документах крупные собственники, и в частности монастыри. К этому времени права общины, в том числе и право близости, были присвоены феодалами.

В изданных Ф. Дэльгером актах упоминаются некоторые виды крестьянских повинностей, в том числе такие, которые до сих пор не были известны. Хрисовул 1310 г. упоминает повинность *ἀλωπία* (№ 37.52), в которой издатель (стр. 109) видит обязанность крестьян поставлять лисьи шкуры. В грамоте 1408 г. названа «тридцатая доля», взимавшаяся на военные нужды — для охраны крепости (№ 45/46.I.16). В грамоте 1421 г., кроме определенных натуральных поборов (лук-порей с 12 грядок, репа с 6 грядок и т. п.), названы «субботние поборы» (*σαββατικὰ*) (№ 102.24). Наконец, в грамоте 1429 г. идет речь о париках, плативших *χοχιατικόν* (№ 32.23), представлявший собою, по-видимому, хлебную подать (см. комментарий, стр. 89).

Акты содержат новые данные о размерах крестьянских повинностей: в описи 1409 г. мы встречаем крестьян, плативших подворное в размере 5, 6, 9 и даже 11 иперпиров (№ 63), тогда как в первой половине XIV в. подворное редко превышало 3—4 иперпира. При этом, однако, следует учитывать падение стоимости денег.

В жалованных грамотах 995 и 1079 гг. (№ 56 и 35) среди перечисленных повинностей преобладают натуральные и отработочные. Анализ нумизматического материала позволяет предполагать, что в VII—IX вв. количество денег в обращении резко сократилось и лишь с конца IX в. начинается постепенное увеличение чеканки; особенно увеличивается выпуск монеты в правление Комнинов. Не следует ли связывать это обстоятельство с тем, что в Византии XI—XII вв. имел место переход от отработочной и натуральной ренты к денежной? Впрочем, этот вопрос заслуживает специального исследования.

Морта упомянута в грамоте 1008 г., где описан вклад, состоявший из хорафия, который принадлежал некоему Фаээзели и его наследникам; однако сам Фаээзели не обрабатывал этот хорафий, но сдавал его в аренду за мурту (№ 108.11—13). Эти данные показывают, что морта не является специфически монастырской рентой, как это иногда предполагают. Десятина упомянута в грамоте 1407 г. Это была рента зависимых крестьян, отличная от натуральных поборов и *τελοῦ* а (№ 32.12).

Для характеристики крестьянской зависимости важна грамота 995 г., упоминающая париков, принадлежавших монастырю Иоанна Колову; часть этих париков жила в Иериссе, тогда как другие обрабатывали монастырские земли (№ 56.5). Характер поздней парикии особенно отчетливо обрисован в грамоте 1370 г. Из нее мы узнаем, что парик не мог продать свою землю без конфирмации господина (*μη στερῆας τὴν ἐκεῖνου πρακίην*) (№ 115.14); владение парика, умершего без наследников, переходило феодалу (№ 115.13—14). Все это показывает, что говорить о «полной собственности» парика, как это делает Ф. Дэльгер (стр. 315), невозможно: верховная собственность на землю принадлежала феодалу. К сожалению,

и в других местах комментария Ф. Дэльгер приукрашивает положение крестьянства вопреки фактическому материалу (см. стр. 190).

Рецензируемое издание содержит ценный материал и для характеристики византийских феодальных институтов. Две грамоты, датированные 984 и 995 гг. (№ 108 и 56), упоминают экскуссию; они являются важным источником для изучения возникновения этого учреждения. В грамоте 984 г. идет речь о пожаловании лавре св. Афанасия экскуссии корабля (№ 108.22); эта экскуссия, как свидетельствует грамота, могла быть по желанию ее обладателя передана другому лицу. Очевидно, что экскуссия в данном случае не тождественна западноевропейскому иммунитету, но представляет собой податную привилегию. Для характеристики экскуссии XI в. большое значение имеет хрисовул Никифора Вотаниата от 1079 г., пожалованный Иверскому монастырю. Согласно этому хрисовулу, монастырь ограждался от «вторжения» фемных судей, практоров и форологов (№ 35.48), а также лиц, которых нельзя признать императорскими чиновниками: от местных епископов и архонтов (№ 35.58—59). В то же время монастырь отнюдь не был изъят из-под власти императорской администрации: хрисовул подчеркивает, что монастырь был подчинен катепану и дуке Солуни, равно как логофету дрома и его протонотарию (№ 35.45—46 и 56). Итак, в конце XI в. экскуссия, т. е. податная привилегия, не создавала административной независимости экскуссата. Это подтверждается и некоторыми другими грамотами.

Изданная в рецензируемой книге простагма Андроника II от 1319 г. запрещает апографевсам вторгаться во владения лаврских монахов для составления переписи; апографевсы могли провести перепись этих земель только по приглашению монахов (№ 17.10—11). Однако и эта привилегия не создавала административной экзимирированности монастыря: если бы обнаружилось, что монахи приобрели какое-нибудь имущество незаконным и грабительским способом, чиновники получали право вступить в их владения и выяснить обстоятельства этого приобретения (№ 17.13). Все это свидетельствует о специфике византийской экскуссии X—XIV вв.

Акты, изданные Ф. Дэльгером, содержат также данные для характеристики пронии (№ 63), гоникона (№ 62 и 10), для изучения терминологии феодальной собственности в Византии. Рассмотрим грамоту 1062 г., в которой содержится противопоставление *νομή* и *δεσποτεία* (иначе *ὡς οἰκεία*) (№ 57.7—9). Ф. Дэльгер считает, что этот акт доказывает сохранение в Византии римского принципа, согласно которому проводилось четкое разграничение между владением (*νομή*) и собственностью (*δεσποτεία*) (стр. 159). Однако нам кажется, что византийцы вкладывали в эти термины иное содержание. Действительно, согласно грамоте 1062 г., именно владение *ὡς οἰκεία* (или *δεσποτεία*) означало реальное пользование вещью (№ 57.10), тогда как *νομή* не заключало в себе непосредственного владения. К вопросу о византийской терминологии собственности мы еще вернемся в этом обзоре в связи с другими публикациями.

О сложности феодального титула собственности свидетельствует хрисовул 1408 г.: монастырь Дионисия получает земельное владение на три года с ограниченными правами (в это время монахи должны были получать ренту натурой) и лишь затем присваивает право собственности (№ 13). В грамоте начала XIII в. мы находим картину прекарного владения: верховный собственник отнимает *res sacra data*, а затем возвращает держание прекарнису (причем на более льготных условиях) (№ 33.13—14).

Изданные Ф. Дэльгером акты содержат ценнейший материал для изучения путей распада феодальной системы хозяйства в Византии. В некоторых актах обрисована борьба между феодальным собственником земли и

предпринимателем нового типа. В этой связи особенно интересны грамоты № 24 и № 102 (от 1421 г.), касающиеся тяжбы Иверского монастыря и Аргиропулов. Иверский монастырь имел в Солуни сад, который монахи эксплуатировали путем взимания феодальной ренты, состоявшей из денежных платежей (59¹/₂ иперпиров), оброка (овощи и фрукты) и еженедельных праздничных подарков (№ 102.22—24). Затем этот сад был сдан в аренду Аргиропулам, которые провели большие мелиоративные работы; для этих работ они привлекли 100 работников (ἐργάται), получавших денежную плату и питание; то и другое в сумме оценивалось в 4 аспра на человека в день (№ 102.41—42; 1 аспр = 1/4 иперпира). В результате этого Аргиропулы смогли намного увеличить размеры арендной платы, которую они собирали теперь с мелких субарендаторов: «пактон» за сад вырос до 115 иперпиров, не считая натуральных взносов (№ 102.29). Монахи с завистью смотрели на обогащение Аргиропулов и в конце концов добились решения епископального суда о передаче этой земли монастырю. Тем самым был нарушен арендный договор. Император Мануил II подтвердил решение суда епископа (№ 24).

Аналогичный казус описан в более ранней грамоте 1295 г., где называется, как Николай Калуда арендовал владения Иверского монастыря в Солуни на срок четырех поколений (№ 100.23). Однако, когда арендатор провел мелиоративные работы в арендованных владениях, монахи поспешили вернуть эти земли, ликвидировав договор. Патриарх Иоанн XII вынес решение в пользу монахов.

Рассмотренные грамоты показывают, как крупные феодальные землевладельцы препятствовали развитию предпринимательства, грабя богатейших фермеров-арендаторов, которые проводили мелиоративные работы, применяя в широких масштабах наемный труд. Эти документы вскрывают экономические корни противоречий между верхушкой солунских горожан и феодальной знатью, противоречий, которые дали себя знать во время восстания зилотов.

Акты содержат некоторые данные о развитии ремесла (№ 63.9 и 16, 19.5, 114.14). Особенно важно свидетельство афонских грамот о существовании цехов в Солуни: купчая 1320 г. упоминает экзарха мироваров, который сам занимался варкой мира (№ 111.30); купчая 1326 г. называет старейшину цеха строителей (πρωτομαίστωρ τῶν οἰκοδόμων) Георгия Мармара (№ 112.33). Протоμαίστωρ τῶν δομητόρων Георгий Мармара назван также в зографском акте 1327 г. (Зогр. № 25.72). Таким образом, несомненно, что в XIV в. в Солуни существовали цехи. Были ли они там раньше, пока сказать трудно. Во всяком случае, грамота 1008 г. (№ 109) называет экзархов, которых Ф. Дэльгер (стр. 297 сл.) считает старейшинами цехов.

Собранные в книге грамоты содержат также данные для характеристики монет и цен, устройства монастырей и борьбы между монахами, для истории административного аппарата и по ряду других вопросов.

Уже в рассмотренной выше книге Ф. Дэльгер издал отрывки из шести практиков (описей) святогорского Иверского монастыря; некоторое время спустя он опубликовал их полностью⁶. Иверские практики XIV в. являются очень важным источником для истории византийской деревни; в частности, они свидетельствуют о значительном развитии сельского ремесла: в селе Радоливо, например, были тележники, сапожники, горшеч-

⁶ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. „Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften“. N. F., Bd. 28. München, 1949.

ники, кузнецы, колбасники, ткачи, шапочники. Иверские практики разделяются на две группы, каждая из которых характеризует отдельный комплекс владений: одна группа монастырских угодий описана в практиках 1301, 1317, 1320 и 1341 гг., о другой группе земель свидетельствуют два практика, датированные 1316 и 1341 гг. В селах Иверского монастыря в XIV в. жило большое количество крестьян, носивших славянские имена, что свидетельствует об устойчивости славянского элемента в бассейне Стримона.

Одновременно с работами Ф. Дэльгера была издана (в Югославии) книга В. Мошина и А. Соврэ «Дополнения к греческим хиландарским грамотам»⁷; в ней собран 21 акт из хиландарского архива, не вошедший в известную публикацию Л. Пти в XVII томе «Византийского временника»; бо́льшая часть их до сих пор вовсе не была издана и лишь немногие появились в отдельных периодических изданиях. Среди изданных В. Мошиным и А. Соврэ документов 11 относятся к византийской эпохе; наиболее ранний из них датирован 1076 г., затем следуют 8 грамот XIV в. и, наконец, опись XV в., отнесенная издателями ко времени после 1421 г. Грамоты снабжены подробным комментарием на латинском языке; именной и предметный указатели облегчают пользование текстом. Кроме того, в книге имеется резюме на хорватском и русском языках, а также список игуменов монастыря Хиландарь.

Хотя «Дополнения к греческим хиландарским актам» и уступают по богатству содержания изданным Ф. Дэльгером документам, все же и в них мы найдем ряд данных, существенных для понимания социально-экономической структуры и правовых отношений в византийском обществе. Так, в упомянутой уже описи XV в. мы встречаем термин $\mu\epsilon\sigma\sigma\upsilon\chi\acute{\alpha}\rho\alpha\phi\alpha$ (№ 11.16), тогда как до сих пор были известны лишь $\acute{\epsilon}\xi\omega\chi\acute{\upsilon}\rho\alpha\phi\alpha$ и $\acute{\epsilon}\sigma\omega\chi\acute{\upsilon}\rho\alpha\phi\alpha$ ⁸; интересно также содержащееся в этой описи упоминание рва, окружающего виноградник (№ 11.28 и 44—45). Простагма, составленная в 1314 или 1344 г., рассказывает о спорах, которые возникали на Афоне из-за пользования водными источниками (№ 6).

Новые хиландарские документы позволяют глубже познакомиться с византийской терминологией собственности; в этом отношении особенно интересна грамота 1076 г., где отношения собственности переданы глаголами $\delta\epsilon\sigma\tau\ \zeta\epsilon\iota\upsilon\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \alpha\upsilon\ \tau\epsilon\upsilon\tau\acute{\epsilon}\upsilon\sigma\iota\upsilon\upsilon$ (№ 1.28—29); составитель грамоты подробно перечисляет содержание этого права собственности: в него включаются и конкретные понятия (делать насаждения — $\phi\upsilon\tau\acute{\epsilon}\upsilon\sigma\iota\upsilon\upsilon$, возводить здания — $\acute{\alpha}\nu\omicron\tau\iota\chi\omicron\delta\omicron\mu\epsilon\iota\upsilon\upsilon$), и юридические абстракции ($\kappa\tau\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha\iota$, $\chi\rho\acute{\iota}\sigma\theta\alpha\iota$, $\nu\acute{\epsilon}\mu\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$). Вместе с тем собственнику запрещалось отчуждать полученное им имущество: $\mu\grave{\eta}\ \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\upsilon\ \delta\acute{\epsilon}\ \sigma\epsilon\ \acute{\epsilon}\pi\epsilon\zeta\omicron\sigma\iota\omega\varsigma\ \pi\omega\lambda\epsilon\iota\upsilon\ \grave{\eta}\ \chi\rho\upsilon\zeta\epsilon\iota\upsilon\ \grave{\eta}\ \pi\rho\sigma\kappa\upsilon\rho\epsilon\iota\upsilon\ \alpha\upsilon\tau\omicron\ \epsilon\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\ \mu\omicron\nu\alpha\tau\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu$ (№ 1.31—32). Определение права собственности мы находим также и в других документах (№ 2.23—25, 7.43—46, 9.26).

Грамота № 5 (1320—1321) представляет собою арендный договор: неизвестный женский монастырь арендует у хиландарских монахов участок земли навечно; по прошествии 25 лет арендная плата должна быть уменьшена вдвое. Подобное уменьшение арендной платы коренным образом отличает рассматриваемую сделку от предкапиталистических тенденций к постоянному возрастанию арендной платы (в связи с мелиорацией), ко-

⁷ V. Mošin in A. Sovre. *Dodatki h grškim listinam Hilandarja*. Ljubljana, 1948. Краткий обзор изданий В. Мошина и А. Соврэ, П. Лемея и Ф. Дэльгера см. в статье Г. Острогорски. Нове публикации византийских повеља. „Историски часопис“, т. 2. Београд, 1951.

⁸ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 62.

торые засвидетельствованы в рассмотренных нами выше документах о деле Аргиропулов.

Интересные данные содержит рецензируемое издание и о тяжбах между монастырями. Из купчей 1310 г. мы узнаем, что между Хиландарским и Ксиропотамским монастырями шла долгая тяжба из-за нескольких хорафиев; во время этой тяжбы хиландарский игумен Даниил выставил свидетелей, показания которых были признаны ложными (№ 2.13—16).

Кое-что мы можем узнать и о положении париков. В этом отношении особенно интересно упоминание хорафия, который был приобретен хиландарскими монахами путем покупки (ἐξ ἀγορᾶς) у иерея Иоанна, парика Кантакузина; опись указывает размер этого хорафия — 7½ модиев (№ 11.57—59). В той же описи упомянут виноградник, насаженный париками монастыря. Наконец, следует отметить упоминание в описи 1371 г. принадлежащего прониару грушевого дерева (προνοιαρικὴ ἀπιδέα), служившего в качестве межевого знака (№ 8.53); при скудости известий о византийской пронии не следует пренебрегать даже таким беглым и кратким ее упоминанием.

От рассмотренных до сих пор публикаций несколько отличается подготовленное французским палеографом А. Гийу издание грамот из архива Меникейского монастыря⁹. А. Гийу не издает новых актов, если не считать двух, к тому же не имеющих особенного значения; более того, он не имел возможности обратиться к рукописям изданных его предшественниками документов, ибо они утеряны. И тем не менее мы должны признать книгу А. Гийу весьма полезной. Дело в том, что меникейские акты были изданы давно, недостаточно критически и при этом в разных трудах; сведенные теперь воедино, расположенные в хронологическом порядке и снабженные комментарием и указателем, они оказываются в руках исследователя ценным источником для изучения аграрных отношений в районе Серр.

Не ставя своей целью подробный обзор материала изданных А. Гийу актов (многие из них давно уже вошли в научный оборот), укажем лишь на некоторые проблемы, освещаемые в этих документах. В них содержатся сведения о принадлежавших монастырю строениях, мастерских, пекарнях, мельницах, расположенных в Серрах (№ 4.24—25, 9.17—25, 35.7—11, 39.66—68 и др.); этот материал позволяет поставить вопрос о природе поздневизантийского города и, в частности, о взаимоотношениях между городом и духовными феодалами. Экономические интересы последних в городе были чрезвычайно значительными и, соответственно, значительным было недовольство горожан засильем феодалов. Описи земельных владений Меникейского монастыря позволяют поставить вопрос о соотношении виноградарства и хлебопашества в районе Серр (во всяком случае, в пределах монастырского хозяйства); так, в 1309 г. монастырю принадлежало 30 модиев виноградников и 1400 модиев пашни (№ 4); к 1321 г. монастырь приобрел еще 36 модиев виноградников и примерно 2500 модиев пахотной земли (№ 9 и 10). О том, насколько большую роль играло в этом районе хлебопашество, свидетельствует также обилие мельниц, принадлежавших Меникейскому монастырю. Так, в хрисовуле Стефана Душана от 1345 г. (№ 39) перечислено не менее 26 меникейских мельниц, расположенных как в городах Серры и Зихна, так и в селах.

Значительное место в хозяйственной жизни этого района занимало также рыболовство: при описании владений монастыря на р. Стримон нередко упоминаются виварии, рыболовные лодки, специальные каналы (αὐλάκι) и т. п. (№ 9.11—13, 12.4—7 и др.). О большой роли рыбной

⁹ A. Guillaou. Les archives de S. Jean-Prodrôme sur le Mont Ménécée. Paris, 1955.

ловли в бассейне Стримона мы знаем и из других источников, начиная от Иоанна Камениаты и вплоть до хиландарских актов (Хил. № 150.42—45 и др.); мы говорили уже об этом в связи с разбором издания Ф. Дэльгера.

Изданные А. Гийу акты проливают свет и на другой вопрос, о котором уже шла речь выше, — на вопрос о византийской терминологии понятий «собственность» и «владение». Из грамоты 1346 г. видно, например, что *νεμεσσαι* и *δεσπόζειν* употреблялись как синонимы (№ 40.6—7); в грамоте 1309 г. синонимами оказываются *κατέχειν* и *κεκτήσθαι* (№ 4.21—22, ср. также № 5.5 и 23); эти факты подтверждают уже высказанное нами предположение, что в поздневизантийском праве не сохранялось четкое разграничение между *dominium* и *possessio*.

Меникейские акты освещают и такие вопросы, как положение византийского крестьянства. Они упоминают различные категории зависимого населения: париков, элевтеров, проскафименов и — в грамоте 1309 г. — актимонов; для обозначения зависимых людей употребляется и термин *ἀνδροποι* (№ 30.14—15, 1333 г.). Для понимания важного и спорного термина *ἡμισεία* имеет большое значение грамота 1334 г. (№ 31.7—8), где этим термином обозначены не отношения ипольной аренды (таково традиционное понимание этого выражения), а совместное владение мельницей. В том же значении употреблен этот термин и в речи Плифона к императору Мануилу: здесь идет речь о людях, пользующихся общими средствами труда¹⁰. Ряд документов меникейского архива освещает вопрос об экономике, посотис, гониконе, о налогах и иммунитете и т. д.

Весь этот материал, разумеется, и раньше был известен, однако издание А. Гийу делает его гораздо более доступным для исследования. В связи с этим нам хотелось бы высказать пожелание, чтобы по образцу этой книги были переизданы и другие византийские архивы. Отмечая значение работы А. Гийу, мы хотели бы вместе с тем указать на известную неполноту его комментария: он, к сожалению, далеко не всегда привлекает параллельные места из хиландарских, зографских, кутлумушских и прочих актов, хотя это несомненно облегчило бы изучение социальных отношений, исторической географии и просопографии. Приведем несколько примеров подобной неполноты комментария. В отрывках из практика 1339—1342 гг. упомянуты владения монастыря в топифесии Данион, приобретенные у Михаила Пеларга (№ 35.22—23); Пеларг упомянут как сосед монастыря в документах 1321 г. (№ 9.30 и 32 и 10.32—34). Этот Пеларг, по-видимому, тождествен Михаилу Комнину Пеларгу, который в 1325 г. продал в Серрах дома за 180 иперпиров (Хил., № 105). Известны и другие представители этой фамилии: Мануил Пеларг (он же Мануил Комнин Пелиарг) жил в Серрах в конце XIII в. (умер до 1341 г.)¹¹. Известен также монах Макарий Пеларг (Хил. № 89.29, 1323 г.). Собрав все эти данные, А. Гийу получил бы более полное представление об одном из вкладчиков Меникейского монастыря.

В одном из меникейских актов (№ 39.49) упомянута усадьба покойного Саракина *εις τὴν Λεστιάνην*. Говоря о локализации Лестианы, А. Гийу ограничился только отсылкой к старой работе П. Н. Папагеоргиу, но не учел, что хрисовул болгарского царя Михаила Асеня от 1327 г. точно локализует это селение в районе Меленика (нынешнее Меленикитци, к востоку от Скотусы) (Зогр. № 26.77—78); можно было также привлечь и грамоту Филофееву монастырю от 1326 г. (Фил. № 6.17), где Лестиана

¹⁰ A. Ellissen. *Analekten*, Bd. IV, T. 2. Leipzig, 1860, S. 49. 14.

¹¹ P. Lemerle. *Actes de Kutlumus*, № 4. 2 и 19. 21—22.

локализуется в топофесии Кистерны. В связи с этим нельзя согласиться с замечанием А. Гийу (стр. 124, прим. 5), помещающего Лестиану к западу от Скотусы, к северо-востоку от Серр.

Помимо рассмотренных выше публикаций, в последние годы продолжали выходить издания разрозненных актов, которые также могут представлять известный интерес для исследователя внутренней истории Византийской империи. Укажем в заключение некоторые из этих изданий.

Ф. Дэльгер издал судебное решение, выданное Иверскому монастырю на Афоне и датированное 1059 г.¹² В этом документе упомянуты Σκλάβοι Βούλγαροι, поселившиеся в начале X в. в районе Иерисса. В комментарии Ф. Дэльгер убедительно показал, что Σκλάβοι этого документа не рабы, но славяне (см. также его заметку в *BZ*, 46, 1953, S. 210—211), расселившиеся на византийской территории в результате успешных походов Симеона.

Большой интерес представляет также публикация хрисовула императора Константина X от 1065 г., также подготовленная Ф. Дэльгером¹³. Этот хрисовул предоставляет монахам Иверского монастыря привилегию уплачивать налог за определенные земельные владения непосредственно в секрет геникона (стк. 3), т. е. в центральное податное ведомство, а не местным сборщикам податей — диоикетам (стк. 8). Константин X подтверждает также право на эксуссию (стк. 24), которое было пожаловано иверским монахам его предшественниками. Хрисовул 1065 г. интересен еще и тем, что он разрешает уплачивать половину налога тетартиронами, т. е. золотой монетой несколько меньшего веса, чем полноценная номисма. Издание сопровождается комментарием, где Ф. Дэльгер детально рассматривает вопрос о тетартироне, не учитывая, к сожалению, литературы на русском языке¹⁴.

Простагма Исаака II Ангела, подтверждающая указ Мануила Комнина, который запретил захватывать церковное имущество под предлогом смерти епископа, была издана П. Ламма¹⁵. Точная датировка этой простагмы пока еще остается спорной.

Известный итальянский ученый А. Пертузи опубликовал постановление афонского протата (1287 г.) о передаче пришедших в упадок владений монастыря амальфитан на Афоне лавре св. Афанасия, а также две конфирмации этого дарения¹⁶.

Чрезвычайно интересный хрисовул Андроника II (1288 г.) издал Ф. Дэльгер¹⁷; согласно этому хрисовулу, император передал Феодору Номикопулу и его наследникам деревню Кранидий и виноградник размером около 20 модиев в районе Дамалы (Навлии); деревня Кранидий названа гониконом (γονικοῦ αὐτοῦ χωρίου — стк. 7—8) севаста Феодора Номикопула, однако он владеет этой «родовой деревней» на основе службы (μετὰ μέντοι τῆς ἀνηκούσης δουλείας — стк. 15). После смерти севаста

¹² F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung in Hinterland von Thessalonike in 10. Jahrhundert. *SBAW, Phil.-hist. Kl.*, 1952. Подробный анализ этой грамоты дает Г. Острогорский в этом же томе „Византийского временника“.

¹³ F. Dölger. Finanzgeschichtliches aus der byzantinischen Kaiserkanzlei des XI. Jahrhunderts. *SBAW, Phil.-hist. Kl.*, 1956, H. 1, S. 6—8.

¹⁴ М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха. „Ученые записки Свердловского пединститута“, вып. 6, 1949, стр. 76—79.

¹⁵ P. Lamma. Un prostagma inedito attribuito a Isacco II° l'Angelo. „Atti e Memorie Accad. Sc. Lett. ed Arti di Modena“, V. 10, 1952.

¹⁶ A. Pertusi. Nuovi documenti sui benedettini amalfitani dell'Athos. „Aevum“, t. 27, 1953, fasc. 5, p. 423 sq. Работа П. Лемерля (P. Lemerle. Les archives du monastère des Amalfitains au Mont Athos. *Κατήχων Φ. Κουκουλέ*, 1953) нам недоступна.

¹⁷ F. Dölger. Ein Chrysobull des Kaisers Andronikos II für Theodoros Nomikopulos aus dem J. 1288. *Miscellanea G. Hofmann. Roma*, 1955.

Феодора его сыновья могут унаследовать эту деревню, но опять-таки лишь при условии несения службы (стк. 16—18).

Ф. Дэльгер считает (стр. 60), что в хрисовуле Андроника II идет речь о пронии, хотя в самом документе термин «прония» ни разу не встречается, наоборот, там применен термин «гоникон», который обычно отождествляется с вотчиной и противопоставляется пронии. Случай пожалования гоникона на условии несения службы известны¹⁸; в хрисовуле Андроника II наиболее существенным, на наш взгляд, является свидетельство о том, что уже в конце XIII в. держание за службу (независимо от того, называлось оно пронией или нет) могло признаваться собственностью и передаваться по наследству. Таким образом, это еще один памятник, подрывающий традиционное представление о личном, временном характере византийского бенефиция: если он уже в XIII в. был наследственным, то, спрашивается, когда же он был личным?

К. Астриук издал с подробным комментарием патриаршую грамоту, относящуюся ко времени правления Палеологов¹⁹, однако из-за поврежденности текста точная ее датировка невозможна: издатель отнес ее к концу XIII—началу XIV в. Патриаршая грамота представляет собою подтверждение прав монастыря св. Кирика (в Созополе²) на его владение, включавшее четыре зевгаря земли и некоторое количество проскафименов (стк. 9—11).

Примерно к этому же времени относится грамота, пожалованная деспотом (имя его в документе не указано) Русскому монастырю св. Пантелеймона на Афоне; она была опубликована впервые в 1873 г. — теперь ее переиздал П. Лемерль²⁰. Эта грамота представляет собой опись монастырских владений в местности Ревеникия и перечисление принадлежащих монастырю париков (πρωχοι ποροικοι — стк. 26) с указанием их имущества и платимой ими подати. В описи встречаются термины «зевгарат» (стк. 31) и «воидат» (стк. 28, 29); зевгарат и воидат платят одинаковую подать — 2 иперпира.

Простагму императора Иоанна V от 1351 г. из архива афонского монастыря Ксиропотаму, а также еще два более поздних документа издал В. Лоран²¹; другая императорская простагма, датируемая примерно 1380 г. и происходящая из ватопедского архива, была опубликована Ф. Дэльгером²².

В. Лоран переиздал жалованную грамоту (ἀφιερωτικὸν πρόσταγμα) кесаря Алексея Ангела, датированную декабрем 1389 г.²³ Алексей Ангел имел в Солуни монастырек в честь великомученицы Фотиды на правах гоникона (стк. 7), иначе говоря, он мог там делать все, что угодно, как и

¹⁸ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения... стр. 221.

¹⁹ С. Astruc. Un acte patriarchal inédit de l'époque des Paléologues. „Mélanges H. Grégoire“, vol. 4, 1953, p. 21 sq.

²⁰ P. Lemerle. Un acte du despote Andronic Paléologue (?) pour le couvent de S. Pantéléimon. „Orientalia Christiana Peiiocica“, 13, 1947, p. 564 sq. Об имени деспота см. замечания Ф. Дэльгера в ВЗ, 43, 1950, S. 77. Архиву Русского монастыря также посвящена работа В. Мошина, который, анализируя подписи к греческим и сербским дипломам Стефана Душана от 1349 г., доказывает, полемицируя с Ф. Дэльгером, их подлинность. См. V. Mošin. Povelje cara Dusana i Jovana Paleologa Pantelejmonovom manastiru. „Zgodovinski časopis“, t. VI—VII, 1952—1953.

²¹ V. Laurent. Xéromotamou et S. Paul. Histoire et légende à l'Athos. „Revue historique du Sud-Est Européen“, vol. 22, 1945.

²² F. Dölger. Neues zu Alexios Metochites und zu Theodoros Meliteniotes. „Miscellanea G. Mercati“, vol. 3, 1946. Обе последние публикации остались нам недоступны.

²³ V. Laurent. Nouvelle fondation monastique des Choumnos: La Nea Moni de Thessalonique. „Revue des Études Byzantines“, 13, 1955, p. 129 sq. Прежде эта грамота была издана С. Лавриотом в малораспространенном журнале *Θεολογία*. т. V, 1927, σελ. 266.

подобает «полным господам» (τελειοὶ δεσποταὶ) (стк. 10). Этот монастырек был пожалован Алексею Ангелу Феодором Порфириогенитом, сыном императора, и дарение это было подтверждено Мануилом II Палеологом Алексей Ангел передал монастырек св. Фотиды солунскому Новому монастырю В. Лоран опубликовал также греческую жалованную грамоту сербского правителя Константина Драгаша от 1393 г.²⁴, подтверждающую права Ватопедского монастыря на богородичный монастырек Пантанасси, в грамоте упомянуты такие термины, как проастий (стк. 16), парики, ζευγηλατιον (стк. 30)

К концу XIV и началу XV в относятся два частноправовых документа, изданных австрийским ученым Г. Хунгером²⁵. Первый из них — купчая грамота 1421 или 1436 г В ней идет речь о продаже половины ветряной мельницы (αυσιουρλιον — стк. 4) за 80 иперпиров: покупатель сразу же уплачивает половину суммы, а вторую половину с процентами должен внести через год По условию купчей он должен перевезти мельницу на новое место; в дальнейшем половина доходов будет поступать ему, половина же — монаху, прежнему собственнику мельницы В числе свидетелей упомянут некий строитель мельниц (μυλοτεχτων) из Галаты (стк. 31)

Второй документ, изданный Г. Хунгером, — дарственная грамота монахини протосевастииссы Евгении, которая в 1394 г передала своему сыну иеромонаху Феофану виноградник на условии, что он будет выдавать ей ежегодно 50 мер вина Интересна терминология этой грамоты: за Феофаном признаются собственнические права (υρως και δεσποτινως — стк. 6) и в то же время для характеристики дарения Евгения пользуется глаголом εκδωμι (стк. 5), который в классическом греческом означал «сдавать в аренду». Таким образом, дарственная грамота 1394 г свидетельствует, что в поздневизантийском праве была переосмыслена старая терминология.

Рассмотренные нами публикации содержат обширный и тщательно изданный материал, который вносит немало нового в сложную проблему внутренней истории Византийской империи X—XV вв

А. П. Каждан

Обзоры

(византиноведение за рубежом)

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Когда речь заходит о немецком византиноведении, каждый специалист сейчас же вспомнит о Мюнхене, о К. Крумбахере, так же как и о его последователях А. Гейзенберге, Ф. Дэльгере и их детищах — Институте византиноведения и новогреческой филологии, журнале «Byzantinische Zeitschrift» и о Корпусе греческих актов средневековья и нового времени Все это сдлало Мюнхен поистине «византийским» городом, который

²⁴ V. Laurent. Un acte grec inédit du despote serbe Constantine Dragas. „Revue des Études Byzantines“, 5, 1947, p. 183 sq.

²⁵ H. Hunger. Zwei byzantinischen Urkunden der späteren Palaiologenzeit aus der Osterreichischen Nationalbibliothek BZ, 48, 1955